

Роман 1930-х годов

Что же происходит с романом, когда ведущим образом советской риторики стала «великая семья»? Авторы перестали писать о «маленьких людях» и технике для того, чтобы воспеть больших людей и их выдающиеся достижения, а роман воспринял из риторики конвенциональную модель «отцов и детей». Миф о «великой семье» придал роману соцреализма его окончательный вид и определил основной сюжет.

В середине 1930-х годов, авторитетные критики начали требовать, чтобы роман имел четкую структуру. Это требование заставило авторов использовать единый канонический сюжет. В противном случае критика могла оказывать давление. Проблемы такого рода возникли в отношении романа П. Павленко «На Востоке» (1936). Казалось бы, что этот роман во всех отношениях отвечал духу 1930-х годов (и критики отметили это)³⁷. Его тема — защита советской границы на Дальнем Востоке от японских войск и белогвардейцев; на первый взгляд в нем было все необходимое для официального признания: ряд героев гражданской войны, испытывающих родственную привязанность друг к другу, «наставник»

(Шлегель), официальный представитель карательных органов, молодая и энергичная героиня (Ольга), которая жаждет великих свершений, но сначала должна достичь большей политической зрелости (после смерти отца Ольги его боевые товарищи опекают Ольгу, заменяя ей семью), тайга, природа, авиация, строительство, битвы, парашютизм, пограничники, наконец, эпизод, где Ольга смотрит на Сталина.

Однако все критики сошлись на том, что роман губит одна особенность: у него фрагментарная композиция³⁸ — качество, которое и раньше отмечалось у многих произведений, однако не считалось столь важным³⁹. Проблема романа «На Востоке», как отмечал Фадеев, состояла в том, что он неудачно составлен и многие характеры не выдержаны⁴⁰. Выражение «неудачно составлен» в данном случае имеет особый смысл — не соответствует каноническому образцу. Молодая героиня Ольга не изменилась под влиянием учителей; Павленко не создал необходимых «пар» среди своих героев, которые представляли бы оппозицию «стихийность — сознательность». Более того, в отношениях между Шлегелем и Ольгой есть даже элементы сексуального влечения (со стороны Шлегеля), что, безусловно, недопустимо в его ритуальной роли.

Стандартные модели сексуальной привязанности, которые можно обнаружить в произведениях соцреализма, аналогичны моделям, которые анализируются Фрейдом в его книге «Групповая психология и анализ Эго» (1921). В то время как «сыновья» часто испытывают сексуальные влечения к великому отцу (Сталину), ни он, ни какой-либо другой наставник героя не должен переживать сексуального тяготения к какому-либо «сыну». Таким образом, так как сыновья никогда не испытывают сексуального удовлетворения, их связи с «отцовской» фигурой никогда не ослабляются, а наоборот, усиливаются⁴¹. Подобная динамика особенно очевидна в сталинских фильмах, где встреча со Сталиным слащавого, молодо выглядящего героя (!) одаряет его мгновенным сексуальным возмужанием и может привести к его собственному отцовству. Например, в «Падении Берлина» Чиаурели девушка героя целует Сталина, но касается лишь его военной формы на уровне плеча, без непосредственного соприкосновения с телом; со своей стороны Сталин не может себе позволить ничего, кроме слабой улыбки.

В другой статье этого периода Фадеев писал: «Пора, наконец, понять, что в художественном творчестве не звучат и не могут звучать правдиво даже самые на первый взгляд «правильные» политические высказывания, если они не находят соответственного живого, образного, художественного воплощения»⁴². В результате в середине 1930-х годов для того, чтобы произведение могло считаться идеологически выдержанным, оказалось недостаточно занимать политически верную позицию и использовать соответствующие ей темы; требовалось также, чтобы роман был «правильно организован» и политические установки получили в нем «жизнеподобное» воплощение. Другими словами, роман превращался в ритуализованную биографию. Выдающимся примером может служить классическое произведение соцреализма «Как закалялась сталь» Н. Островского (1932—1934). Почти каждый штрих романа и личной биографии Островского отвечает определенному аспекту политической культуры сталинской эпохи. Роман воспекает героике гражданской войны: самоотверженную борьбу, «большевистскую волю» — и, что самое важное, представляет столь актуальную героическую биографию, призванную быть примером для других.

В некоторых важнейших аспектах жизненный путь и характер Островского и Павла Корчагина, героя его автобиографического романа, соответствует иконическим атрибутам символического героя 1930-х годов. Корчагин (Островский) был родом из бедной семьи, не имел возможности получить хорошее образование; в его детстве и ранней молодости окружающие только головами качали, глядя на шалости и отчаянные поступки Павки, его анархические устремления и

полное отсутствие дисциплины⁴³. Даже когда он стал достаточно «зрелым» для того, чтобы вступить в партию, у него не было интереса к партийной учебе и стремления выполнять директивы партии⁴⁴. Но при этом Павел показал себя человеком неистощимой энергии, воли, выносливости и самоотдачи. Он пережил — часто благодаря сильной воле — целую серию столкновений со смертью. Этот умирающий и воскресающий герой проходит через множество битв, чтобы найти свое «я», и, наконец, становится жертвой недуга. Даже в последние свои месяцы Павел не предался отчаянию или горечи; он боялся только, что «выйдет из строя» раньше, чем будет выиграна решающая битва⁴⁵.

Павел Корчагин, подобно символическим героям 1930-х годов, представляющим яркую личность, наряду со скромностью и готовностью к самопожертвованию, отличается «положительной» детской непосредственностью. Но ему суждено было стать более сознательным, благодаря его встречам с рядом большевистских наставников.

В большинстве романов 1930-х годов имеется единственный учитель для главного положительного героя. «Как закалялась сталь» написана в жанре авантюрного романа, и потому учителя меняются с каждым новым «микрокосмом», в котором оказывается Павел Корчагин. Однако роман явно демонстрирует тенденцию к изображению «сыновей» менее состоявшимися политически по сравнению с «учителями». Парадоксально при этом, что, несмотря на наличие безусловно положительных героев-учителей, особенно по сравнению с Павлом, именно последний является главным героем романа. И так, с середины 1930-х годов в глазах советской критики Корчагин становится типом положительного героя советской литературы, образцом, которому следует подражать⁴⁶.

Причина, по которой положительный герой с политической точки зрения менее совершенен, чем другие протагонисты (его учителя), заключается в том, что его роль состоит в символическом примирении диалектического противоречия между силами «стихийности» и «сознательности». Как и его двойник в реальном мире, символический герой, подобно стахановцам, летчикам и т. д., является актером в ритуальном действе политического противостояния (народ *vis-à-vis* вожди). В мифе воплотилось реальное противостояние и несоответствие между марксистско-ленинско-сталинской теорией и практикой.

В литературных произведениях вопрос о законном преемнике Ленина освещался также в соответствии с моделью «отцы — дети». В большинстве романов эта проблема не обсуждалась прямо, но только фигурально (через включение в набор признаков, отличающих «учителя», тех из них, которые определенным образом ассоциируются с Лениным). Не считая эпизодов с кратковременным появлением Сталина, главным героем глава государства становится преимущественно в сочинениях на исторические темы, ближайшей из которых была гражданская война. Однако даже в такого рода произведениях было принято, чтобы автор проводил своего героя через ранние периоды детской безудержности и импульсивности, перед тем как дело величайшей ответственности потребует от него выдержанности и аскетизма⁴⁷.

В историческом романе А. Толстого «Петр Первый» (публиковавшемся частями с 1929 по 1945 год) автор все-таки пытается разрешить вопрос о преемнике Ленина через символический ряд, знаменующий движение поколений от «отца» к «сыну». Наиболее важная в этом отношении часть была опубликована до середины 1930-х годов. Во второй части, которая появилась в печати в 1933 году (и была признана литературными авторитетами значительно более совершенной по сравнению с первой частью)⁴⁸, А. Толстой обратился к теме смерти наставника Петра, Лефорта, таким образом, чтобы дать понять читателю истинный смысл фрагмента, ассоциирующегося с переломным моментом в советской истории, когда умирает Ленин и Сталин становится как бы единственным законным продолжателем его дела.

Лефорт был главным советником Петра в его планах обновления России. Он также (согласно А. Толстому) учил Петра быть осторожней и жестче по отношению к политическим врагам. Когда Лефорт неожиданно заболел и умер, Москва радовалась потихоньку, но все придворные изображали печаль возле его гроба. Один Петр был по-настоящему поражен горем. Он говорит последнее «прости» своему учителю, касаясь края его гроба (символический жест передачи эстафеты от учителя к ученику), и восклицает: «Другого такого друга не будет. Радость — вместе и заботы — вместе. Думали одним умом». Затем неожиданно Петр рванулся от гроба, глаза его высохли, и он принял величественную позу, как бы отстраняясь от окружающего мира. С этого времени он изменился, стал тверже в своих устремлениях (горячий, импульсивный царь становится более «сознательным»). Показательно заключение, к которому он приходит, наблюдая за суетящимися вокруг него придворными лицемерами: «Не с Азова надо было начинать, — с Москвы!» (оправдание «чисток»?) Только своей возлюбленной, Анне Монс, он может излить свое горе. Ей он говорит: «Осиротели мы... Не того смерть унесла...»⁴⁹

Символическая модель, отражающая смену поколений, в романе сталинского времени редко была прямо связана с историческим моментом, когда Сталин сделался преемником Ленина. Но смерть Ленина и «клятва», произнесенная Сталиным, раскрыв смысл происходящего, как бы задали семантические роли во всех многочисленных сценах сложившегося позже романа соцреализма, когда герой стоит у смертного одра или гроба своего учителя.

Выделение А. Толстым мотива сиротства представляет особый интерес как один из существенных элементов мифа об «отцах и сыновьях». Безусловно, не случайным является то обстоятельство, что в большинстве своем герои 1930-х годов, литературные или реальные, росли без отца с самого рождения либо потеряли его в раннем детстве. Естественно, родной отец не мог играть слишком видную роль в произведениях соцреализма, так как ось «семейного» происхождения была ориентирована на *мужскую* линию «великой семьи». Без сомнения, именно поэтому, даже когда отец у героя имелся, из членов его «малой семьи» мать, старший брат, жена или возлюбленная играли гораздо более важную роль в его возмужании, чем отец. Более того, «сиротство» подчеркивалось с такой силой, что эпитет «сирота» использовался даже в отношении ребенка, имевшего одного из родителей⁵⁰. Список «сирот» включал политических вождей, к примеру Кирова, авторитетных деятелей культуры — Горького и Марра, героев гражданской войны (Щорс), Алексея Стаханова и великое множество литературных героев. Нельзя забывать и о беспризорниках — реальных или *de facto* детях улицы, которым в те годы уделялось огромное внимание.

Эта тенденция легко объяснима, если учесть, что оба вождя, и Ленин, и Сталин, довольно рано потеряли отцов. Можно, правда, просто отнести этот факт на счет высокой смертности в непривилегированных слоях общества в тяжелые времена старого режима, но такое объяснение упрощает дело. Здесь нужно вспомнить, что по крайней мере от царя Эдипа до Давида Копперфильда в литературе существовала отчетливая тенденция к изображению сирот в качестве главных героев. Она связана с тем, что сироте особенно трудно обрести свою индивидуальность. И в большой сказке о советском обществе, рассказывалась ли она в литературе или вне ее, каждый человек был сиротой, пока «великая семья» не помогала ему стать личностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: *Е. Смирнов*. Павлик Морозов (В помощь пионервожатому). М., 1938; *В. Губарев*. Сын. М., 1940.
- 2 См.: *Paul Friedrich*. Semantic Structure and Social Structure: An Instance from Russia // Exploration in Cultural Anthropology: Essays in Honor of George Peter Murdoch. New York, 1964. P. 134.
- 3 *А. Гуревич*. Черты передового советского человека // Знамя. 1947. № 11. С. 178.
- 4 *Paul Friedrich*. Op. cit. P. 135—138.
- 5 *В. Ильенков*. Ведущая ось // Октябрь. 1931. № 9. С. 15.
- 6 *И. В. Сталин*. Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства: Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 года // И. В. Сталин. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 55—59, 68.
- 7 Речь товарища Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года // Лит. газета. 1935. 10 мая.
- 8 *П. Юдин*. Новая, невиданная литература: Выступление на московской областной и городской партконференции // Лит. газета. 1934. 22 января.
- 9 См., например: *А. Эрлих*. Сдвиг // Правда. 1933. 25 декабря.
- 10 Речь товарища Сталина на Первом всесоюзном совещании стахановцев // Лит. газета. 1935, 24 ноября; *С. Нагорный*. Герой // Лит. газета. 1939. 15 декабря.
- 11 *И. Сталин*. О Ленине: Речь на вечере кремлевских курсантов 28 января 1924 года // И. Сталин. Сочинения. Т. 6. С. 52.
- 12 Общее собрание ленинградских писателей. От собственного корреспондента // Лит. газета. 1937. 26 марта.
- 13 Общемоосковское собрание писателей. Заключительное заседание // Лит. газета. 1937. 10 апреля.
- 14 *С. Марвич*. С героями вся страна // Лит. газета. 1938. 20 марта.
- 15 Герои советского племени (Редакционная ст.) // Лит. газета. 1936. 10 августа.
- 16 *В. Чкалов, Г. Байдуков, А. Беляков*. Наш полет на АНТ-25. М., 1936. С. 5.
- 17 *И. В. Сталин*. На смерть Ленина: Речь, произнесенная на 2-ом съезде Советов 26 января 1924 г.
- 18 *Василий Решетников*. Пасьянс из двух экипажей // Независимая газета. 1997. 23 июля. С. 6.
- 19 Герои советского племени.
- 20 *С. Нагорный*. Герой.
- 21 *В. Вишневский*. Иван Папанин // Щорс. Папанин. М., 1937. С. 30—38; *Герой Советского Союза Марина Раскова*. Записки штурмана // Знамя. 1939. № 2. С. 7; *С. Нагорный*. Герой.
- 22 См., например: Сергей Миронович Киров. Краткий биографический очерк. С. 6—8; Детство и юность вождя, документы, записи, рассказы (Сост. В. Калинин, И. Верещагин) // Молодая гвардия. 1936. № 12. С. 41.
- 23 *Ю. Ренн*. Учитель и ученики // Летчики. Сб. рассказов. М., 1938. С. 567.
- 24 Большевицкий привет отважным завоевателям Северного полюса! Полюс завоеван большевиками (Редакционная ст.) // Лит. газета. 1937, 26 мая.
- 25 *М. Громов*. Летчики нового типа // Встречи с товарищем Сталиным (Под ред. А. Фадеева). М., 1939. С. 40.
- 26 Некролог А. К. Серова и П. Д. Осипенко // Лит. газета. 1939. 15 мая.
- 27 *В. Чкалов, Г. Байдуков, А. Беляков*. Наш полет на АНТ-25. С. 12.
- 28 *Г. Сталинерадский*. Герой Советского Союза Валерий Павлович Чкалов. М., 1938. С. 11.
- 29 *С. Нагорный*. Герой.
- 30 Слава героям (Редакционная ст.) // Лит. газета. 1936. 5 августа.
- 31 *Вс. Иванов*. Пархоменко // Молодая гвардия. 1938. № 11. С. 45—66; № 12. С. 54—58; 1939. № 1. С. 17.
- 32 Встречи с товарищем Сталиным.

33 *О. Гур.* Отто Юльевич Шмидт // Лит. газета. 1937. 26 мая.

34 *А. Стаханов.* Наш отец // Встречи с товарищем Сталиным. С. 24. Стаханов описывает сцену в Кремле, где «братья и сестры» стахановцы были увлечены дружеским соревнованием в процессе обсуждения своих достижений. Сталин смотрел на них спокойно, «по-отечески», покуривая трубку.

35 *С. Нагорный.* Герой.

36 *М. Рубинштейн.* Люди советской страны // Большевик. 1935. № 20. С. 32.

37 Решительно улучшить работу Союза писателей. Из сообщения тов. В. Ставского на IV пленуме правления Союза писателей СССР // Лит. газета. 1937. 20 марта.

38 Там же.

39 В рецензии на роман Ф. Панферова «Бруски», к примеру, автор И. Машбиц-Веров посвятил две страницы разговору о невероятной «композиционной рыхлости» и других литературных недостатках романа. Эти замечания не помешали, однако, сделать заключение, что книга имеет важнейшее значение в литературе послеоктябрьского периода. (Вторая книга «Брусков» // Октябрь. 1930. № 8. С. 197, 208—209).

40 *А. Фадеев.* Учиться у жизни // Лит. газета. 1937. 15 апреля.

41 *Sigmund Freud.* Group Psychology and the Analysis of the Ego. (Transl. James Strachey). New York and London, 1959; (особенно с. 47).

42 *А. Фадеев.* Недостатки работы Союза писателей // Лит. газета. 1938. 27 января.

43 *Н. Островский.* Как закалялась сталь. М., 1936. С. 16, 35, 158—159.

44 Там же. С. 215.

45 Там же. С. 354.

46 См., например: Моральный облик писателя (Передовая статья) // Лит. газета. 1937. 30 сентября.

47 *Вяч. Шишков.* Емельян Пугачев. Историческое повествование // Октябрь. 1943. № 4—5, 6—7, 8—9, 10. 11—12; 1944. № 1—2, 5—6, 9, 11—12.

48 *Е. Вейсман.* Медный всадник и Петр Первый // Лит. газета. 1934. 4 июня.

49 *Ал. Толстой.* Петр Первый // Новый мир. 1933. № 2. С. 19—21.

50 Например, в книге Е. Герасимова и М. Эрлиха «Николай Александрович Щорс. Боевой путь» (М., 1937) Щорс назван «сиротой», хотя потерял мать в возрасте 12 лет.